

А.Ф.Писемский. Взбаламученное море

Роман в шести частях

* ЧАСТЬ ПЕРВАЯ *

1. Басардины

По улицам и полям усадьбы Спирова мела и передувала бестолковейшая декабрьская вьюга: то зачем-то несла целое облако снегу и, выйдя за ворота, тотчас же клала его на огромнейший и без того сугроб; то точно сверлом сверлила и завывала в разбитое слуховое окно на барском доме, то с каким-то упорством дула в зад скотнику Климу, рубившему перед скотным двором дрова и не обращавшего на это никакого внимания. На крыльце избы стояла старуха Михайловна, и с ней ветер как-бы заигрывал, крутя и завивая ее истасканный передник.

- Чьи такие, дедушка, это проехали? - окликнула она Клима.
- Басардины, надо-быть... к тестю едут.
- И то дело. Да, да!
- На балотировку, видно, ладят, - заключил Клим.
- Да, да! - согласилась опять с этим Михайловна; а потом, о чем-то звонко вздохнув, вернулась в избу.

На Спировском поле, по переметенной и ухабистой дороге, действительно тянулся целый обоз. На передней лошади ехал молодой дворовый малый, Митька. Он сидел спокойно, как истукан, и только, когда его очень уж потряхнет в ухабе, он моргнет носом и ткнет лошадь кнутовищем, на что та обыкновенно, отмахнет ему хвостом.

В тех же санях, за спиной у Митьки, сидела горничная девица Дарья, закутанная по самый нос в какие-то лохмотья. Странное явление представляли собой эти два молодые существа: жизнь ли их очень заколотила, или их организмы, питаемые круглый год постными щами и мякинным хлебом, содержали в себе более лимфы, чем крови, но только пятидесятью версту они ехали вдвоем и во все это время хоть бы переглянулись, пошутили бы между собой, переговорили слова два-три. Митька, положительно можно сказать, даже ничего и не думал; а Дарья всю дорогу смутно соображала, куда это она положила барышникины чулки: старая барыня, как приедут на место, непременно их спросит, а она и не помнит, куда их засунула.

За передней ехал сам барин, в розвальнях, парой гусем. Заложенный у него на вынос сивый меренко, по прозванью Репейник, обнаруживал удивительное старание. Он вез, потел, обтирался и все-таки вез, как будто бы сотни начальнических глаз смотрели на него и любопытствовались его усердием, между тем как шедшая в корню сухопарая саврасая кобыла решительно парализовала все его старания. Лошадь эта, пока дорога шла еще прямая, везла кое-как; но чуть-чуть встречался крутой поворот, или надобно было обойти какую-нибудь рытвину, так сейчас же и терялась: не понимала она, как это сделать надо, или ей трудно было ладить со своим неуклюжим телом, только непременно сядет в хомут, начнет болтаться из стороны в сторону и по крайней мере с полверсты не уставится. На подобное неравенство в распределении трудов сидевший кучером задельный мужик Потап, так как настоящих дворовых кучеров уже не хватало, не обращал ни малейшего внимания: все его старание было направлено на то, чтобы самому как-нибудь примоститься на облучке, к которому он скорее изображал собой касательную линию, чем сидящего на нем человека. Едва позаберется несколько поспокойнее, как сани занесет в его сторону, и поехал вниз; опять начнет забирать вверх, - да так всю дорогу, даже пот прошиб!

На все эти проделки с Потапом барин, мужчина с проседью, но довольно еще молодцеватый, в потертой медвежьей шубе и шапке с собачьим околышком, надетой несколько набекрень, смотрел не без удовольствия.

- Опять съехал? - говорил он, слегка улыбаясь, когда Потап, спустившись с саней до самого горла, отчаянно хватался за передок.

- Ты сиди крепче! - советовал он ему.

На все это Потап отвечал сердитым взглядом и забирался на передок почти с ногами.

Барин между тем переносил свое внимание на другие предметы.

"Ишь, как дугу-то погнуло", - думал он, глядя, как сбившаяся с панталыку коренная шла совершенно боком.

На окраине поля замелькали какие-то черные пятна.

"Кусты это или деревья, чорт знает?" - продолжает он соображать с заметным вниманием.

"Кусты!" - решал он мысленно и самодовольно.

Налетевшая вьюга застлепляла ему глаза. Он повертывался и начинал смотреть в другую сторону.

Волновали ли в настоящую минуту какие-либо иные, более серьезные мысли и более раздражительные чувствования этого, как мы увидим впоследствии, отца довольно многочисленного семейства, - мы не знаем и даже имеем все основания подозревать, что как к совершенному им теперь пути, так и вообще ко всей громаде плывущей на него жизни он относился довольно созерцательно и совершенно спокойно.

Ехавшая за розвальнями тройка, в крытых санях, представляла собой гораздо больший порядок: лошади все в ней были одной масти, коренная шла даже с некоторой гордостью. Молодой кучер Михаила, с черкесским лицом, стройный, перетянутый ремнем с посеребренным набором, ловко сидел на облучке. Пожилой лакей, хоть и в очень старинной, но заметно сбереженной гороховой шинели, с несколькими воротничками и со светлыми пуговицами, тоже привычно сидел рядом с ним и, при малейшем наклонении саней на его сторону, сейчас же соскакивал и подпирал их плечом. Видно, он понимал, что едет с дамами, из которых одна, молоденькая, с прелестным, свежим личиком, беспрестанно выглядывала из-под опущенного фордека и, оглянув окрестность, снова опускалась в глубь саней, приговаривая с досадой: "нет еще, далеко".

Сидевшая с ней пожилая дама, казалось, и не слыхала этих восклицаний.

Если бы какой-нибудь художник захотел изобразить идею житейской озабоченности в виде женщины, то лучшего образца не нашел бы для себя, как эта дама, с впалыми, желтоватыми щеками, с довольно еще светлым, умным взглядом черных глаз, но который весь был погружен в себя и ушел в глубь души. В противоположность своему на все спокойно взиравшему супругу, своей пятнадцатилетней дочери, чем-то своим, должно быть, занятой, в противоположность наконец вялой и далеко не заботливой прислуге, - она одна тут обо всем думала и над всем бодрствовала.

Трудно перечислить, сколько забот, предположений, надежд и опасений